

Цинь Лянчуань пробыл в своем прошлом родном крае меньше двух недель, после чего отправился в путь в сопровождении своих слуг, возвращаясь в уезд Наньхуэй.

Перед отъездом, по его просьбе, он встретился с тетей Ли. Это была их короткая, но прощальная встреча. Слов почти не было сказано, они лишь долго смотрели друг на друга, оба тяжело вздыхая.

Впервые они встретились в галерее большого дома старшего чиновника округа: он — молодой, начитанный и утонченный, она — красивая и сообразительная. Стояла прекрасная весенняя пора, благоухали цветы, повсюду слышалось пение птиц.

Юный и изящный учитель чуть поклонился, сложив руки в приветственном жесте, а прекрасная девушка, слегка присев, ответила ему почтительным поклоном.

В день их свадьбы новобрачная, устав ждать, сняла покрывало и стала лакомиться орешками, рассыпанными на постели. Она была так поглощена этим занятием, что не сразу заметила, как дверь тихо приоткрылась, и вошедший жених застыл в дверях, их взгляды встретились. Она покраснела и смутилась, а он смотрел на нее с мягкой улыбкой и нежностью. Затем, будто по волшебству, он вынул руку из-за спины и протянул ей два пирожка с мясом, завернутых в промасленную бумагу.

В день ее родов он, охваченный тревогой, метался взад и вперед перед дверью. Изнутри доносились крики женщины, разрывающие сердце, словно тысячи игл вонзались ему в грудь.

После рождения дочери множество ночей он вставал вместе с женой, когда она поднималась успокоить плачущего ребенка. Его забота не знала границ: он следил, чтобы она не замерзла, не проголодалась, не утомилась.

В тот год, когда мужчина отправился в путь перед праздником, он, со свертками кожи за плечами, вышел из дома. Женщина с дочерью стояли на пороге, напутствуя его словами: «Скорее поезжай и скорее возвращайся».

Он отошел довольно далеко, но все еще оборачивался, чтобы увидеть их фигуры, стоящие у входа.

Образы прошлого всплывали в его памяти, сменяя друг друга, словно все это происходило лишь вчера. И только сейчас, в эту минуту, они оба понимали, что сегодняшнее расставание, возможно, станет последней встречей в их жизни.

В день отъезда его провожали лишь Цинь Лань с мужем. Слезы застилали глаза Цинь Лань. Ее губы дрожали, стиснутые до боли, а все тело сотрясалось от сдерживаемых рыданий.

Она смотрела, не отводя взгляда, на отца, который все удалялся и удалялся, а потом

оглянулся, чтобы в последний раз махнуть ей рукой. Она стояла так, пока его фигура не исчезла из виду.

По возвращении домой Цинь Лань сильно заболела. После выздоровления она словно превратилась в другого человека и никогда больше она не упоминала отца вслух.

□□.....

Накануне отъезда Цинь Ляньчуаня Цю Хэнянь отправился в уездный город и нашел его временное пристанище в постоялом дворе. В их разговоре, длившемся около получаса, прозвучало многое, что задело обоих.

Цинь Ляньчуань, хотя и восстановил память, мало что мог рассказать о той банде разбойников, которая его похитила: перед глазами стояла лишь смутная картина и один запомнившийся образ — мужчина с небольшой черной родинкой на краю брови.

Узнав о давних связях между собой и Цю Хэнянем, Цинь Ляньчуань был безмерно благодарен ему и поклялся, что при первой возможности оплатит ему за его доброту.

Выйдя из постоялого двора, Цю Хэнянь не испытывал разочарования. Он и сам не знал, кем был до потери памяти, и какие важные дела оставил незавершенными. Когда-то в нем жила мысль отправиться на поиски своего прошлого, но внутренний голос постоянно твердил: «Не стоит».

Когда старый Кузнец Ван был жив, даже во время болезни, когда он оказался прикован к постели, Цю Хэнянь никогда не воспринимал его как обузу. Но после его смерти, оказавшись в пустом доме, Цю Хэнянь впервые осознал тягостное одиночество, слыша лишь звуки чужих голосов и шагов из других домов. В итоге, поддавшись настойчивым советам тети Ли, он решил жениться, чтобы создать семью и найти утешение.

Однако семейная жизнь оказалась совсем не такой, как он предполагал. Вместо сдержанного уважения он получил нечто совсем иное. Его супруг, Цин Янь, не соответствовал его представлениям. Он была красивым, утонченным, но при этом умным и добрым. Тот день, когда Цин Янь признался ему в любви, был неожиданным и удивительным. В его словах и поступках чувствовалась искренняя простота и неподдельная страсть, которые невозможно было игнорировать. Каждый раз, вспоминая его признание в кузнице, он ощущал ту же дрожь в груди, что и тогда, и непреодолимое желание удержать этого гера в своих объятиях, не давая ему уйти.

После Праздника Середины Осени на севере началась уборка урожая. Хотя проблема возникла только с одним из работников, другие трое были с ним близко знакомы, и, чтобы избежать ненужных осложнений, У Цюнянь решила нанять новых работников.

Цин Янь вместе с ней, как и прежде, сменялись, принося еду работникам. На его поле почти весь урожай был собран, за исключением семенных растений. Соевые бобы еще можно было оставить на несколько дней, а вот сладкий картофель нужно было убрать до сезона холодных рос, иначе он бы испортился в земле.

Каждый вечер Цю Хэнянь спешил из своей лавки, брал тележку и вместе с работниками грузил мешки с собранным сладким картофелем, чтобы отвезти их домой.

Соевые бобы требовали больше усилий: после того как стебли срезали, их оставляли сушиться на поле два-три дня, а затем привозили домой для дальнейшей обработки.

Этой частью работ в основном занимался Цин Янь. Он отбивал стручки, просеивал шелуху и плохие зерна, укладывая все в мешки. Когда вечером возвращался Цю Хэнянь, они работали вместе. Иногда им помогала тетя Ли, и в доме царила шумная, радостная атмосфера.

Во время осеннего урожая кузница Цю Хэняня была занята как никогда. Люди приходили и уходили с утра до позднего вечера, создавая нескончаемый поток работы.

Цю Хэняню приходилось разрываться между кузницей и полем, работая без отдыха. За последние десять дней у них с Цин Янем почти не было времени нормально готовить. Обед для работников был единственным полноценным приемом пищи в доме. Для себя они просто варили большую кастрюлю риса на весь день, а к нему добавляли то, что оставалось под рукой. Если обеда было недостаточно, Цин Янь мыл и на скорую руку жарил то, что находилось на кухне.

После еды они сразу же возвращались к работе и трудились до темноты. Когда начинало смеркаться, работы приходилось прекращать, и они, вымывшись, ложились спать, едва коснувшись подушки.

В сезон осеннего урожая приезжали заезжие торговцы на бычьих повозках, чтобы закупать зерно. После сбора урожая сладкого картофеля Цин Янь оставил немного для их собственного потребления, а большую часть продал этим торговцам. Хотя такая продажа приносила меньше дохода, чем торговля на рынке в городе или уездном центре, это было гораздо удобнее. Иначе только транспортировка такого объема сладкого картофеля могла бы измотать их до изнеможения.

С соевыми бобами все обстояло проще: их отвезли в деревенский маслобойный цех и выменяли на несколько больших бочек соевого масла, которого хватит на весь год.

После завершения уборки Цин Янь поручил работникам привести поле в порядок: внести удобрения, полить, подготовить землю к весеннему севу.

Когда все было сделано, супруги сели вместе подсчитать доходы и расходы. Посчитав, они поняли, что прибыли оказалось не так много, но, по крайней мере, они не ушли в убыток.

Первый год всегда связан с большими вложениями, и они надеялись, что в следующем году дела пойдут лучше.

У Цин Яня даже появились мысли о расширении хозяйства. Сейчас земли было слишком мало: усилий они прикладывали много, но урожай оставался ограниченным. Если бы они смогли арендовать или купить больше земли и нанять больше работников, себестоимость с каждого участка могла бы снизиться. Однако возможности человека не безграничны, и нужно было все хорошо обдумать, прежде чем принимать такие решения.

Тем не менее, они оба понимали, что доходы от фермерства были значительно ниже, чем прибыль от кузницы. Даже торговля на уличных рынках приносила больше.

Цин Янь вздохнул и сказал:

— Говорят, каждое зернышко достается тяжелым трудом. Жизнь крестьянина действительно нелегка.

□□.....

Через несколько дней Цин Янь вместе с У Цюнянь отправились в уезд за покупками.

Работы на полях были завершены, и наконец-то появилось немного свободного времени. Новая партия косметики тети Ли — крема «Снежинка» и духов — уже поступила, а маски для лица вот-вот будут готовы. Цин Янь решил запастись товарами для своего торгового лотка.

Они еще не успели выйти из деревни, как впереди заметили молодого парня. Услышав их голоса, он обернулся. Это был Лю Сян, младший брат-гер из пары «дракона и феникса» из семьи родственников Лю Фа.

Узнав Цин Яня, Лю Сян расплылся в почти карикатурной улыбке, восторженно воскликнув:

— О, это ты, красивый братец!

У Цюнянь, глядя на Лю Сяна, слегка опустила голову, скрывая выражение лица, и шепотом сказала:

— Цин Янь, откуда этот парень? На вид немного странный.

Цин Янь не успел ответить, как Лю Сян уже бегом подбежал к ним. В его руках была корзина, накрытая куском розового шелка.

Шелк, хоть и не был редкостью, все же считался дорогим материалом, а яркий розовый оттенок, использованный вместо обычной ткани для крышки корзины, привлек внимание Цин Яня.

Лю Сян заметил его взгляд, сжал губы и инстинктивно спрятал корзину за спину. Цин Янь сразу понял, что не стоит проявлять лишнего интереса, и, мягко улыбнувшись, спросил:

— Идешь куда-то?

Лицо Лю Сяна снова засияло широкой улыбкой, и он с энтузиазмом ответил:

— Да, я несу кое-что одному человеку.

Его щеки слегка порозовели, и он смущенно опустил глаза.

У Цюнянь, стоявшая рядом, выглядела совершенно озадаченной.

Цин Янь вдруг вспомнил, как недавно Лю Юфу и его жена Чжан Цзюй просили жителей деревни помочь подобрать подходящую пару для близнецов. Видимо, дело сдвинулось с мертвой точки, и, судя по всему, свадьба не за горами, раз подарки уже отправлены.

Цин Янь кашлянул, сдерживая улыбку, и сказал:

— Тогда ты занят, а мы пойдем дальше, нам нужно в уезд.

С этими словами он и У Цюнянь начали двигаться дальше, но Лю Сян вдруг снова позвал его:

— Брат Цин Янь!

Цин Янь обернулся и увидел Лю Сяна, стоящего с нерешительным видом. Тот переминался с ноги на ногу, явно собираясь что-то сказать, но не решаясь.

Цин Янь почувствовал легкое раздражение, но, сохраняя спокойствие, спросил:

— Что такое? Есть еще дело?

Лю Сян откашлялся, сделал пару шагов вперед и, оказавшись совсем близко к Цин Яню, понизил голос и произнес:

— Брат Цин Янь, я не хотел лезть с этим вопросом, но я очень беспокоюсь за тебя...

— Что? — удивился Цин Янь.

Лю Сян, опустив взгляд, пробормотал:

— Все говорят, что ты бесплоден. Это правда?

Цин Янь сначала подумал, что ослышался. Но, бросив взгляд на У Цюнянь, увидел, что ее глаза расширились от удивления, а рот открылся так широко, что туда, казалось, могла поместиться гусиное яйцо. Тут он осознал, что услышал все правильно. Его мысли замешались, словно вихрь в голове.

Вспомнив, что несколько дней назад Чэнь Юй уже говорил нечто подобное, он понял, откуда могла пойти эта сплетня. Стиснув зубы, Цин Янь на мгновение закрыл глаза. Если бы не беременность Чэнь Юя, он, вероятно, уже сейчас сорвался бы обратно, чтобы раз и навсегда разобраться с ним, вместо того чтобы терпеть его постоянные язвительные намеки и издевки.

Цин Янь заставил себя остаться хладнокровным. С трудом натянув улыбку, он спокойно ответил:

— Не слушай чепуху. У меня еще дела, так что мне пора. Иди, занимайся своими делами.

С этими словами он подтолкнул все еще остолбеневшую У Цюнянь за руку, и они поспешили выйти за пределы деревни.

По дороге У Цюнянь не переставала оборачиваться и бормотала:

— У этого парня точно что-то с головой.

— Его зовут Лю Сян. Он из семьи родственников Лю Фа, — ответил Цин Янь.

У Цюнянь вздохнула:

— Так вот кто эти новые переселенцы! Семья Лю Фа ведь нормальные люди. Почему их родственник такой странный?

Цин Янь промолчал.

Спустя какое-то время У Цюнянь снова обернулась, глядя назад, и сказала:

— Послушай, мне кажется, он направляется в сторону кузницы второго брата.

Цин Янь тоже обернулся и увидел, как Лю Сян сворачивает в переулок, где находилась кузница.

— Там много лавок, наверное, идет что-то купить, — безразлично ответил он, отвернувшись.

Однако позже в тот же день, когда Цин Янь вернулся домой с закупками и начал готовить ужин, в дверь вошел Цю Хэнянь.

Цин Янь уже собирался встать, чтобы его поприветствовать, но тут заметил в его руках корзину, накрытую розовым шелком, который сразу показался ему до боли знакомым.

<http://bllate.org/book/13590/1205214>